

«Тем не менее, только что Ян Чжэ послал сообщение Ли Цзиню, когда тот уходил.

Ян Чжэ занимал первое место среди нескольких участников, сидя впереди, в то время как Ли Цзинь находился в середине группы.

Между двумя сидели несколько соперников, среди которых Лю Фэйюнь, Те Вэйци и Шэнь Куань все обладали боевыми навыками. Боевые навыки Лю Фэйюня и Шэнь Куаня были невысокими, но культивация Те Вэйци достигла пика восьмого ранга, поэтому он уже был мастером.

Тем не менее, Ян Чжэ не испытывал никаких сомнений, передавая свой голос. Не было другой причины для этого: он полагался на собственный уровень культивации, достигший пика девятого ранга.

В мире было лишь несколько мастеров в царстве Великих Мастеров, и все они имели громкие имена.

За исключением известных имен среди Великих Мастеров, Ян Чжэ мог свободно ходить повсюду со своей культивацией. Поэтому он, естественно, не беспокоился, когда передавал свой голос.

Просто он не мог представить, что Чу Сяося, высший мастер боевых искусств в этой области, тихо сидела недалеко от него. Поэтому его голосовая передача Ли Цзиню была услышана Чу Сяося совершенно отчётливо.

В действительности, Чу Сяося также слышала всю осторожную голосовую передачу Хэ Юньсяо ранее, но Чу Сяося не была заинтересована в том, чтобы беспокоить Хэ Юньсяо.

Сейчас, услышав ключевые слова «Ду Инъюнь» и «Армия семьи Чу» в передаче, Чу Сяося заинтересовалась.

Она сказала Хэ Юньсяо:

— Только что Ян Чжэ послал голос Ли Цзиню.

Как только Хэ Юньсяо услышал незаконченные слова Чу Сяося, он понял, что в животике этой девочки снова завелось лукавство.

Он намеренно сказал:

— Что он сказал?

Чу Сяосяо ответила:

— Если хочешь знать, тогда отруби ладонь в обмен на меня.

Чёрт, этот маленький нахал всё ещё держит на меня обиду за укус.

Хэ Юньсяо передал голосом:

— Чу чу, ты держишь на меня обиду?

Чу Сяосяо сказала:

— Этот достопочтенный никогда не держит обид, к тому же, не называй меня Чу чу.

Явно держит обиду, верно...

Хэ Юньсяо сказал:

— Чу чу, я уже знаю, что сказал Ян Чжэ.

Чу Сяосяо ответила:

— Ты тоже можешь слышать его голосовую передачу? Не называй меня Чу чу.

Хэ Юньсяо сказал:

— Чу чу, я не могу этого услышать. Но, Чу чу, я могу догадаться.

Чу Сяосяо ответила:

— Я тебе не верю. Не называй меня Чу чу.

Хэ Юньсяо сказал:

— Как насчет такого, Чу чу, давай поспорим?

Чу Сяосяо спросила:

— На что ты хочешь поспорить?

На этот раз возражений не последовало, ура!

Видя, что Чу Сяосяо слегка привыкла к обращению «Чу чу», Хэ Юньсяо почувствовал себя весьма гордым и ощутил чувство «победы» над лучшей в мире.

Хэ Юньсяо сказал:

— Давай поспорим, смогу ли я угадать, о чем говорит Ян Чжэ в своей голосовой передаче. Если я не смогу угадать, я отдам тебе ладонь, если смогу угадать, ты сделаешь для меня кое-что.

Чу Сяосяо ответила:

— Хорошо. Разве ты не боишься, что я не признаю это?

После последнего инцидента, когда Чу Сяосяо дала противоядие напрямую, Хэ Юньсяо уже понял характер этой девочки, которая говорит одно, а делает то, что сказала.

Кто-то, кто осмелился дать мне противоядие напрямую, разве я буду бояться, что ты не признаешь это?

Увидев, что Чу Сяосяо согласилась, Хэ Юньсяо про себя воскликнул: «Хе-хе-хе, ты попалась, мисс Чу Чу».

Хэ Юньсяо сказал:

— Мастер Чу Чу — человек чести, поэтому ей, естественно, всё равно ради такой мелочи.

Хэ Юньсяо наблюдал, как Чу Сяосяо слегка изогнула уголки губ.

Она была лишь в полусостоянии «Чу чу», поскольку сейчас соревновалась на сцене в поэзии, только умудряясь быть бесстрастной, но без ауры безразличия к миру. Даже так, когда она улыбнулась в этот момент, она полностью отличалась от своей обычной улыбающейся «Сяосяо».

Когда Чу чу улыбалась сейчас, это было похоже на алую, колючую, ядовитую розу в полном цвету. Прекрасно, потрясающе и опасно.

Хэ Юньсяо был ошеломлен.

Только на мгновение, конечно.

Чу Сяосяо сказала:

— Говори.

Хэ Юньсяо ответил:

— Ян Чжэ, должно быть, сказал: о том, чтобы позволить Ли Цзиню соревноваться за Ду Инъюнь и таким образом контролировать Армию семьи Чу.

Чу Сяосяо вдруг замолчала.

Она подняла глаза, чтобы посмотреть на Хэ Юньсяо, простого восьмого ранга парня, который мог «услышать» слова девятого ранга Ян Чжэ. Даже если это была догадка, это всё ещё было очень невероятно.

В начале она хотела использовать Хэ Юньсяо, чтобы разобраться с женщиной, которая приблизилась к Чу Фану. Теперь этот человек по имени Хэ Юньсяо не только крепок, но и способен, со своей поэзией и хитростью, которые кажутся всё более загадочными.

Однако Чу Сяосяо была честна со своим словом и не собиралась нарушать его.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Хэ Юньсяо громко рассмеялся про себя.

Какая разница, что она первая в мире? В конце концов, она всё ещё была шестнадцатилетней девочкой, которая ещё не осознала коварную природу мира, и была действительно слишком молода.

Хэ Юньсяо уже придумал, о чём попросить, но не сейчас, а позже.

Следующая женская роль, Фань Цзивэй, не была бережливым человеком, и к тому времени, на случай, если стратегия пойдёт не так, эту возможность можно будет использовать, чтобы завоевать расположение Чу Сяосяо, чтобы она простила его или дала ему больше времени.

— Я ещё не придумал, скажу тебе, когда придумаю.

Я думал, что на этом маленькая беседа закончится, но я не ожидал, что Чу Сяосяо заговорит снова:

— Только что ты назвал меня «Чу чу» в общей сложности пять раз, поэтому я не буду тебя беспокоить. Завтра, в полночь, ты получишь от меня пять ударов.

«Я никогда не держу обид», «Я не собираюсь тебя беспокоить».

Уголки рта Хэ Юньсяо дёрнулись, это означало принять пять ударов от тебя?

Это чисто избиение.

Он боялся, что Чу Сяосяо может сильно его избить, поэтому поспешно вспомнил свои слова и посчитал. Он назвал «Чу чу» шесть раз.

Но он не собирался праведно поправлять Чу Сяосяо.

Вместо этого он оправдался и сказал:

— У меня завтра кое-что намечено...

Это была правда, Хэ Юньсяо планировал днём найти противоядие от Душепожирающей пилули, а ночью попросить сестру Цзян серебро. Ещё один насыщенный день.

Чу Сяосяо сказала:

— Не приходи, если хочешь умереть.

Хэ Юньсяо:

— Я обязательно приду завтра!

...

Чу Фан не жалел, что не смог выйти на сцену, чтобы соревноваться в поэзии. Он даже не жалел, что упустил возможность встретиться с Ду Инъюнь.

Он отличался от Ян Чжэ.

В действительности, у Чу Фана не было таких желаний славы и богатства. Он хотел только практиковать своё владение мечом и отомстить за смерть отца, а затем основательно практиковать меч.

Однако после того, как Ян Чжэ произнёс такого рода стихи на сцене, Чу Фан стал немного тронут поэзией. Потому что Ян Чжэ и он оба находились на пике девятого ранга, и в то время, когда Ян Чжэ стоял на сцене и произносил стихи громким голосом, Чу Фан мог почувствовать проблеск идеологии меча тоже.

Он был очень близок к порогу царства Великих Мастеров. Услышав стихи Ян Чжэ, Чу Фан ясно почувствовал, что он на шаг ближе.

Даже убийство, намерение и острота в его стихах содержали скрытый смысл меча.

После того, как он больше не ограничивал свой «меч» куском железа, Чу Фан почувствовал, что его сознание просветлилось. Даже не практикуясь, его внутренняя сила очистилась и увеличилась.

В пути боевых искусств низшие культивируют тело, а высшие тренируют разум.

Только когда встала Чу Сяося, чтобы говорить о поэзии, прежнее хорошее настроение Чу Фана было безвозвратно испорчено.

Никто не будет специально следить за воздухом между Хэ Юньсяо и Чу Сяося, но Чу Фан будет.

Чу Фан уже видел, как Хэ Юньсяо передавал голос Чу Сяося однажды раньше, и теперь эта сцена повторилась.

Еще больше Чу Фана удивило то, что Чу Сяося произнесла такие слова.

«Цветы плывут туда-сюда по воде, каждый испытывает любовь друг к другу, два места праздной печали. Нет способа развеять это чувство, только когда брови нахмурены, оно уходит в сердце».

Даже если Чу Фан не разбирался в поэзии, как он мог не знать значения таких прямолинейных слов?

Чу Фан знал, что Чу Сяося немного разбиралась в поэзии, и всё. Если кто-то сказал, что Чу Сяося могла написать такие слова и фразы, Чу Фан бы не поверил.

В сочетании с внутренней голосовой передачей Чу Сяося перед тем, как она заговорила, Чу Фан мгновенно понял, что происходит. Чу Фан тут же понял полную картину того, что произошло.

Эти прямолинейные стихи о любовной тоске явно были написаны Хэ Юньсяо для Сяося!

Затем, когда Хэ Юньсяо продемонстрировал свой поэтический талант «цветов, расцветающих как огонь», сердце Чу Фана упало.

Поэтический талант брата Хэ был непревзойденным, и эта поэма действительно была его способом выразить Сяосяо то, что было у него на сердце.

После этого частая голосовая передача Чу Сяосяо и Хэ Юньсяо друг другу по поводу дела Ян Чжэ была на глазах у Чу Фана.

Из-за расстояния Чу Фан не мог услышать, о чем говорили его сестра и Хэ Юньсяо, но это не повлияло на его суждение.

Он достаточно хорошо знал свою сестру.

Характер Чу Сяосяо обычно был «горяч снаружи, но холоден внутри», то есть она, казалось, была вежлива и учтива со всеми, но ей было наплевать на всех.

Когда она впервые поступила в школу мастера, ей сказал ее мастер, что Чу Сяосяо, казалось, предана своему делу, но ей было наплевать на свои достижения в боевых искусствах, и, несмотря на хорошие способности, она просто остановилась в конце. Поэтому сейчас, в то время как он сам был на пике девятого ранга, Сяосяо даже не была на шестом ранге.

Просто такая Сяосяо, которой на всё наплевать, страстно беседует с Хэ Юньсяо. Я обеспокоен.

Чу Фан почувствовал, что должен найти время, чтобы как следует поговорить со своей сестрой.

<http://tl.rulate.ru/book/87329/3593967>